

Ж.Б. Жауыншиева¹, Ж.К. Киынова², Г.Е. Жандыкеева²

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан;

²Казахский национальный женский педагогический университет, Алматы, Казахстан
(E-mail: zhanarkynova@gmail.com, G-Zhandykeeva@mail.ru, zhazira.zhauynshieva@mail.ru)

Семантические оппозиции *определенности–неопределенности* в выражении квантитативных смыслов в разноструктурных языках

В статье проведено контрастивное описание семантических оппозиций *определенности–неопределенности* в выражении квантитативных смыслов в таких разноструктурных языках, как русский, казахский и английский языки. На основе примеров сопоставлены способы выражения категории единичности, которая состоит из трех базовых компонентов: квантитативности, предметности и определенности/неопределенности. Выявлено, что понятие определенности в сопоставляемых языках маркируется посредством универсальных квантификаторов, которые выражают совокупность. Особое внимание уделено семантике артиклей в английском языке и грамматическим способам выражения неопределенности в безартиклевых в русском и казахском языках. Авторами приведены примеры, иллюстрирующие процесс грамматикализации числительного *один, бір, one*. В результате исследования они приходят к выводу о том, что в сопоставляемых языках количественные значения выражаются посредством изоморфных и алломорфных способов кодирования определенности/неопределенности в узусе.

Ключевые слова: определенность–неопределенность, единичность–множественность, квантитативный смысл, разноструктурные языки, семантические оппозиции.

Введение

Дуализм, или бинарность, — основная характеристика, присущая для природных процессов. Принцип бинарности социальных систем был обоснован Э. Дюркгеймом. Выявление и изучение устойчивых семантических корреляций дает более глубокое представление о семантических изменениях на уровнях лексического значения, поэтому изучение семантических оппозиций — один из продуктивных путей проникновения в сущность языковых изменений и социальных процессов, породивших эти изменения.

Следует отметить, что семантические оппозиции образуются как на уровне денотативного, то есть предметно-логического аспекта значения, ориентированного на отражение объективной действительности, так и на уровне коннотации — субъективного, экспрессивного и эмоционально-оценочного лексического значения (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, В.Н. Телия, И.А. Стернин, Е.Г. Белявская). Т.В. Цивьян подчеркивает универсальный характер бинарных оппозиций и предполагает, что бинарная модель мира отражается в космологизированности и архетипической модели мира [1; 5].

Концепт «число» как универсальная категория и элемент культурного кода, с помощью которого описывается окружающий мир, имеет свои закономерности вычленения и структурирования информации о мире в различных языках. Сопоставительное изучение феномена «число» дает информацию о культурно обусловленных квантитативных критериях, что позволяет определить сходства и различия числовых значений в различных лингвокультурах, что особенно важно в процессе межкультурной коммуникации и переводческих трансформаций. В связи с этим в настоящей статье рассматриваются способы выражения квантитативных смыслов категорий единичности–множественности в таких разноструктурных языках, как русский, казахский и английский. Как известно, по типологической классификации русский язык относится к языкам флективного типа, казахский — агглютинативного, английский — аналитического.

Когнитивные процессы, связанные с квантификацией как количественным выражением качественных признаков, привели к созданию бинарных оппозиций и семиотических комплексов. Согласно Е.М. Лазуткиной, «именованию “число” предшествует такая мыслительная операция, как вычленение субъектом сознания предметов–явлений–событий и первичная их категоризация в оппозиции “счи-

таемые”/“несчитаемые” сущности. Знак “какое-либо число” относится к классу “считаемые сущности” и свидетельствует о применении мыслительной операции “квантификация”» [2; 5].

В ментальной категории «количество», как базовой составляющей устройства мира, четкую бинарную оппозицию составляют понятие *единицы и не единицы — множества*, которые противопоставлены по структуре референтов и по признаку «определенность–неопределенность» количества. Основной семантической оппозицией категории определенности/неопределенности является противопоставление единичности/неединичности.

Материал и методы исследования

Контрастивное изучение бинарной структуры единичности–множественности способствует более глубокому осмыслению данного лингвистического явления и интерпретации универсальных и уникальных качеств данных категорий в разноструктурных языках. В отличие от русского и английского языков, в казахском языке числовые обозначения имеют некоторые различия, несмотря на то, что категория числа, как и во всех других языках, основана на противопоставлении единственного и множественного числа.

Во-первых, агглютинативный характер словоизменения в казахском языке обуславливает нейтральность исходной формы существительного по отношению к выражению количественных значений. Исходная форма существительного в казахском языке не только выражает значение единичности и определенности (*бір кітап* ‘одна книга’), но и может быть компонентом словосочетания, в котором сочетается со словами, выражающими количественные значения (как в: *қырық үй* ‘сорок домов’ или: *бірнеше адам* ‘несколько человек’). Поэтому «... в тюркских языках категория числа не используется для организации или оформления связи слов, для соединения их в большие, чем слово, единства. Показатели этой категории нет оснований включать в число аффиксов с реляционными функциями» [3; 99].

Во-вторых, выражение нереперентности как следствие нейтральности по отношению к идее числа. Ср.: *ән салу* ‘петь’ (букв.: ‘петь <какую-нибудь> песню’); *кітап оқу* ‘читать’ (букв.: ‘читать <какую-нибудь> книгу’). Референтность определяется аффиксами множественности *-лар, -лер, -дар, -дер, -тар, -тер*, которые присоединяются к основе слова в соответствии с законом сингармонизма. В тюркских языках именно с помощью этих аффиксов обозначается множество предметов. Ср.: *Балалар далада ойнап жүр* (букв.: ‘Дети играют на улице’). Кроме того, референтность может быть маркирована формой винительного падежа. Ср.: *Мен осы кітап-ты оқыдым*, букв.: ‘Я эту книгу читал’).

В-третьих, в казахском языке отсутствует категория рода, вследствие чего нет и согласования по числу, то есть существительные, сочетаясь с числительными, не изменяются, к ним не присоединяются формообразующие аффиксы. Ср.: *бір алма, екі алма, отыз алма, көп алма* (букв.: одно яблоко, два яблоко, тридцать яблоко, много яблоко). Эти примеры иллюстрируют, что количество обозначаемых предметов не имеет формального выражения у существительного, которое не изменяет форму как в единственном числе, так и во множественном. По мнению исследователей, «из способности существительного без показателя *-лар* обозначать как единичный предмет, так и множество предметов, следует сделать вывод, что оно само по себе не выражает не единичности, ни множественности, то есть не несет никакой информации о количестве обозначаемых предметов. Так, из турецкого предложения, взятого вне контекста, — *Dün bizde misafir vardı* ‘У нас вчера был гость (или: были гости)’ — слушающий не может заключить, идет ли речь об одном госте или о некоем множестве гостей» [3; 103].

Как правило, имена существительные выражают количественные значения в языке и обозначают единичность. На морфологическом уровне семиотическим знаком считаемых и несчитаемых сущностей являются формы грамматической категории числа имени существительного и формы категории числа глагола-предиката. «Категория числа имени существительных — словоизменительная морфологическая категория, обозначающая количество предметов, называемых существительным, и строящаяся как противопоставление двух рядов форм — ед. и мн.ч. В это противопоставление не входят существительные, называющие несчитаемые предметы и имеющие формы только ед.ч. или только мн.ч.» [4; 176].

Единичность — это некая абстрактность, целостность и совокупность неделимых предметов, явлений и процессов поэтому *единица* соотносится с понятием «единство». По определению З.И. Комаровой и Л.А. Запеловой, «функционально-семантическая категория единичности — это единство, имеющее семантическую природу, семантика единичности включает такие характеристи-

ки, как 'отдельность', 'выделенность', 'исключительность', 'неопределенность', объекта из группы подобных, 'недостаточность', 'незначительность' [5; 213]. Как правило, единичность включает в себя такие логико-семантические категории, как предметность, количественность, определенность/неопределенность. Единичность в сопоставляемых языках представляет собой бинарную структуру с ярко выраженными лексическими (нумеративы *один, бір, one*) и грамматическими (категория единственного числа) значениями.

Предметность является основным категориальным значением имени существительного, что связано с его ярко выраженным денотатом. Предметные значения в русском языке выражаются с помощью суффиксов, характеризующих лиц и неліц. Так, в русском языке названия лиц образуются с помощью суффиксов **-ик/-ник** (*школьник, умник*); **-щик/-чик** (*барабанищик, перевозчик*), **-ец** (*кузнец, стрелец*), **-ист** (*юморист, карьерист*), **-арь** (*аптекарь, лекарь*), **-ач** (*бородач, силач*), **-ак/-як** (*рыбак, моряк*), **-тель** (*строитель, учитель*) и др. Суффиксы, образующие названия неліц, выражают различные значения. Ср.: со значением вместилища **-ник** (*будильник*), **-ница(а)** (*салатница*); со значением места **-н(а)** (*колокольня*); со значением орудия **-л(о)** (*пугало*); разнообразные предметные значения **-к(а)** (*конфетка*).

В казахском языке словообразовательные аффиксы, определяющие предметность, употребляются не так широко, как в русском языке. Ср.: немногочисленные аффиксы со значением лица **-шы /-ші** (*аспазы, оқушы, тілші, суретші*); **-кер/-гер** (*қызметкер, қаламгер*). Напротив, наиболее продуктивны аффиксы, образующие производные слова с предметными значениями. Ср.: **-лық /-лік** (*шаруашылық, бейбітшілік*); **-шық /-шік** (*ойыншық, бүршік*); **-ым /-ім** (*салым, бөлім*); **-ын/-ін** (*толқын, жиын, түйін*); **-у** (*сайлау, қыстау, нұсқау*); **-ма /-ме** (*басқарма, тапсырма, жүктеме*) и др. Одним из продуктивных способов словообразования в казахском языке стали новообразования, созданные с помощью аффикса **-хана** для обозначения названий социальных и других объектов, что стало тенденцией в сфере их переименования после актуализации статуса казахского языка как государственного (*шайхана, емхана, перзентхана, дәріхана*).

В английском языке суффиксы, определяющие предметность, в частности, наименования лиц, менее продуктивны по сравнению с русским языком. Ср.: **-ster** (*songster*), **-wright** (*playwright*), **-an** (*pagan*), **-ian** (*librarian*), **-ain** (*chieftain*), **-en** (*warden*), **-ant** (*assistant*), **-ent** (*agent*), **-ar** (*vicar*), **-or** (*autor*) **-ier** (*colier*), **-er** (*engineer*), **-ee** (*employee*). Наименования неодушевленных предметов образуются посредством суффиксов **-ary** (*glossary, dictionary*), **-ing** (*penning, farming*).

В качестве интернациональных средств выражения значения единичности во многих языках мира, в том числе в русском, казахском и английском языках, выступают префиксы **моно-, уни-** в русском и казахском языках, и **моно-, уни-** в английском языке.

Результаты и их обсуждение

Категория определенности/неопределенности как универсальная категория представляет собой одну из категорий семантики высказывания; функция ее — актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность) [6; 349].

Функционально-семантический аспект изучения категории определенности/неопределенности связан с теорией референции, семантикой артиклей в артиклевых языках, способами проявления данной категории в безартиклевых языках. Как правило, грамматическим показателем категории определенности/неопределенности являются артикли в западноевропейских языках (англ. *the* — *a*; нем. *der* — *ein*; франц. *le, la* — *un une*). У носителей английского языка неопределенный артикль *a/an*, употребление которого необходимо с неопределенными существительными в единственном числе, отождествляется с числительным *one* (*один, бір*), то есть выражает количественное значение. По наблюдениям многих исследователей, именно числительное *один* в различных языках постепенно переходил в неопределенные артикли. Так, Б. Хейне выделяет пять стадий эволюции числительного *один* в грамматикализованный маркер неопределенности: 1) употребление «один» в качестве числительного; 2) представительное употребление «один»; 3) употребление «один» в качестве показателя конкретного референта; 4) употребление «один» в качестве неконкретного референта; 5) нереперентное употребление «один» (генерализованный артикль) [7; 5].

В рамках высказывания категория определенности/неопределенности соотносится с семантической категорией посесивности как базовой семантической категорией. В английском языке посесивы выражены притяжательными местоимениями *my, your, his, her, its, our, their*, абсолютными фор-

мами притяжательных местоимений (*mine, yours, his, hers, its, ours, theirs*), а также существительными в генетиве, имеющими окончание *'s* или *'s* (*John's, my parents, this drivers*). «Английский язык является детерминативно-генетивным языком, в котором поссессивы занимают положение определенного артикля и других маркеров определенности. Английские фразы *'the guy next door's car'* и *'guy next door's car'* являются определенными, обозначающими *'the car belonging to the / a guy next door'* (машина, принадлежащая парню по соседству), хотя во второй фразе поссессор является неопределенным существительным» [8; 3].

В русском языке значение обладания выражается с помощью глаголов *быть* и *иметь*. Семантика обладания, владения/принадлежности может также выражаться притяжательными местоимениями и прилагательными, сочетанием именительного и родительного падежей, которое обозначается как поссессивный генетив. Поссессивный генетив выражает непосредственно принадлежность (*дача Ивановых, машина соседа*); межличностные отношения (*брат отца, друг сестры*); отношение поссессора к группе лиц (*капитан команды*); отношение часть – целое (*спина человека, спинка кресла, хобот слона*); отношение поссессора к некоторому его признаку — размеру (*площадь комнаты, вес ребенка*), свойству (*запах цветов, цвет материи*), качеству (*красота города*); отношение поссессора к производимому им действию (*приезд отца, возвращение коллеги*) и на него направленному (*отчисление студента, изгнание бесов*); авторство (*теория Эйнштейна, закон Ньютона*); пространственные (*земля предков*) и временные (*эпоха Петра*) отношения.

Поссессивность в казахском языке выражается при помощи аффиксов принадлежности — тәулдік жалғау. Ср.: *-мы/-ім/-м* — *менің қалам-ым* (моя ручка), *менің дәптер-ім* (моя тетрадь), *менің бала-м* (мой ребенок); *-ымыз /-іміз, -мыз/- міз* — *біздің дос-ымыз* (наш друг), *біздің дос-тар-ымыз* (наши друзья); *біздің үй-іміз* (наш дом), *біздің үй-лер-іміз* (наши дома); *-ыңыз /-іңіз, -ңыз/-ңіз* — *сенің қалам-ың* (твоя ручка), *сендердің қалам-дар-ың* (твои ручки), *сенің әже-ң* (твоя бабушка), *сенің әже-лер-ің* (твои бабушки); *-ы/-і, -сы/-сі* — *оның /олардың қыз-ы* (его/их дочь), *оның /олардың сурет-і* (его/их рисунок), *қыз-ым-ның қалам-ы* (ручка моей дочки), *ұл-ым-ның үй-і* (дом моего сына) и др. Наличие мягкого и твердого вариантов окончаний зависит от основы слова и связано с законом слогового сингармонизма, свойственного для всех тюркских языков как языков агглютинативного типа.

В безартиклевых языках категория определенности/неопределенности выражается посредством порядка слов. К примеру, в русском языке конечная позиция в предложении соотносится с неопределенностью, а позиция в его середине — с определенностью (*Она вручила детям книги* — *Она вручила книги детям*); сочетаниями с указательными и неопределенными местоимениями, а также частицами (*Еще тарелочку!* — неопределенное имя; *Только дед ничего не знал* — определенное имя); контекст (*Мужчина купил газету*), в случае, если данное высказывание находится в начале текста, то оба имени могут быть неопределенными, напротив, позиция в середине текста — определенными.

Категория определенности/неопределенности в казахском языке, как и в других безартиклевых тюркских языках, выражается лексическими (указательные и личные местоимения), морфологическими (формы винительного и родительного падежей), синтаксическими (интонация, порядок слов, актуальное членение предложения и др.) средствами. В казахском языке определенность существительного передается несколькими способами. Ср. контекст из стихотворения великого Абая: *Ғалым болмай немене, Балалықты қисаңыз. Болмасаң да ұқсап бақ, Бір ғалымды көрсеңіз* (букв.: Стремись быть ученым, не жалея расстаться с детством, а если не станешь им, то стремись быть похожим на одного из ученых, с кем посчастливится тебе встретиться). Здесь слово *ғалым* — ‘ученый’ в первой строке стихотворения указывает не на конкретного ученого, а на обобщенное, то есть неопределенное имя. Напротив, это слово в сочетании *бір ғалым* — ‘какой-нибудь ученый’ выражает конкретно-го человека, то есть определенное имя.

О категории определенности/неопределенности в тюркских языках Н.К. Дмитриев пишет: «Если обозначаемое именем явление было предметом нашего опыта и, таким образом, известно нам, такое имя считается грамматическим определенным и в функции прямого дополнения употребляется с показателем винительного падежа. Если предмет нам сообщается впервые и мы о нем ничего не знали, то предмет считается грамматически неопределенным и в функции прямого дополнения не получает показателя винительного падежа» [9; 3]. Действительно, эксплицитность и имплицитность выражения родительного (ілік септік) и винительного (табыс септік) падежей в казахском языке следует считать морфологическим показателем категории определенность / неопределенность. Ср.: *Күнікей түйені тіркеп, тақиясын түзеп кііп, оң жағына қарағанда Ордабай айналасының*

барлық шаңырағынан да үлкен, күлімдеген қызыл жақұт күн көктің бір өңірін сары алтынга малып, екі түйенің арасынан абажадай боп адырдан суырылып, келе жатыр екен (Ж. Аймауытов).

Өлеңнің ішіне балық жеушілер — Құдайдың сүйген құлы, олардан алапатты адамды Құдай жаратқан жоқ — деп қыстырды (Ж. Аймауытов). Выделенные слова в форме винительного и родительного падежей выражают определенность предмета, денотата.

В казахском языке основным средством выражения неопределенности является лексема *бір* (*один*), выражающее количественное значение, как и другие количественные числительные. Числительное *бір* (*один*) является грамматическим показателем единичности и неопределенности. В тексте подобная неопределенность связана с анафоричностью и нарративностью (повествованием), рассказ начинается с неопределенного имени, что наращивает сюжет и появление новых персонажей. Данный тезис можно проиллюстрировать на примере отрывка из романа Ж. Аймауытова «Карткожа»: Ср.: ... *Сол кезде қожадан талай бала оқиды. Сол балалардың ішінде босаға жақта — астында бір жапырақтай тері, мұрнын қос-қостан тартып, қожасының ақ сабауына қарай түсіп, шиге шанышқан бір жапырақ қағазына үңіліп, құнысып, бір бала отыратын еді. Жасы 10–11 шамасы болар ма екен, қалай... Екі жеңі де сауыс, бетінің бір жағы сатпақ, көзінің былшығы да жөнді тазармайды. Сол баланың қақ-соқпен ісі жоқ, момақан, аңқау, көзі бажырайып, аузын ашып, мұрны қоңқиып отырғаны. Жасында болпиган, сүйкімді бір бала болады ғой, тап сол бала осы еді. Құдай оңдап, аты да түріне сай бола кетер ме? Қартқожа...* Знакомство читателей с Карткожа начинается с сочетания числительного *бір* со словом *бала* (букв.: один ребенок, мальчик, подросток), затем существительное *бала* заменяется сочетанием указательным местоимением *сол* (*тот, этот*). При этом указательные местоимения, также как и личные, обладают высокой степенью референтности.

Значит, числительное *бір* (*один*) подобно артиклям *a/an* в английском языке встречается в начале повествования, в интродуктивных предложениях, в начале повествования, что особенно характерно для сказочных произведений. Ср.: *Баяғы заманда бір патша болған; Once upon a time there lived a king; Давным-давно жил да был один король.*

Как было отмечено выше, числительное *one* (*один, бір*) в разных языках подвергался процессу грамматикализации, постепенно становясь маркером неопределенности. Ср.: *Алматының жанында бір ауыл бар — Қосөзен деген; Есть вблизи Алматы один аул, по названию Косозен; Past Almaty into the country there's a village called Kosozen.*

Понятие определенности в сопоставляемых языках маркируется посредством универсальных квантификаторов, которые выражают совокупность. В английском языке к универсальным квантификаторам относятся местоимения *all* (все), *both* (оба), *half* (половина), *every, each* (каждый), местоимения-существительные *everybody, everyone* (каждый, все). В русском языке определительные местоимения указывают на обобщенный признак предмета: *весь, всякий, любой, каждый, каждый* и др. Аналогично в казахском языке совокупность выражается такими местоимениями, как *бәрі, барлық, бар, барша, бүкіл, күллі, бүтін, түгел* и др.

Заключение

Контрастивное изучение типологически и генетически различных языков — русского, казахского и английского — показал, что семантическая оппозиция единичности–множественности является универсальной функционально-семантической категорией. Безартиклевые языки (русский и казахский) обладают различными лексическими и грамматическими средствами, адекватно передающих значение артиклей в английском языке. В сопоставляемых языках определены универсальные и специфичные способы лингвистического кодирования квантитативных смыслов в передаче значений единичности и множественности.

Для сопоставительного анализа использовались параллельные примеры, что позволило раскрыть не только грамматические различия, но и контрасты в образной семантике лексических единиц, а также своеобразие ассоциативного и эмоционального выражения количественных значений. В сопоставляемых языках количественные значения выражаются посредством изоморфных и алломорфных способов кодирования определенности/неопределенности в узусе. При этом связь неопределенности с идеей неопределенного множества является типологическим сходством в русском, казахском и английском языках.

В безартиклевых русском и казахском языках значение определенного артикля в английском языке передается посредством демонстративов, то есть указательных местоимений. Обнаруживаются типологические сходства в способах кодирования определенности в русском, казахском и английском языках: имена собственные, универсальные квантификаторы и посессивы.

Таким образом, в сопоставляемых разноструктурных языках определены универсальные и уникальные способы лингвистического кодирования бинарной категории единичности–множественности в выражении квантитативных смыслов.

Статья выполнена в рамках Проекта по бюджетной программе 217 «Развитие науки», подпрограмме 102 «Грантовое финансирование научных исследований» Комитета науки МОН РК по теме AP 08855826 «Создание цифрового контента для методической поддержки казахстанских сельских учителей русского языка и литературы в организации образовательного процесса в дистанционном формате».

Список литературы

- 1 Цивьян Т.В. Лингвистические основы Балканской модели мира / Т.В. Цивьян. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
- 2 Лазуткина Е.М. Концепт «множество» и категория числа имени существительного в русском языке / Е.М. Лазуткина // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — С. 140–149.
- 3 Гузев В.Г. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках / В.Г. Гузев, Д.М. Насилов // Вопросы языкознания. — 1975. — №3. — С. 98–111.
- 4 Кручинина И.Н. Имена существительные. Категория числа. Категория падежа. Значение падежей / И.Н. Кручинина // Краткая русская грамматика. — М.: Наука, 2001. — С.176–184.
- 5 Комарова З.И. Функционально-семантическая категория единичности в русском и английском языках: моногр. / З.И. Комарова, Л.А. Запелова. — Екатеринбург: УрФУ, 2010. — 236 с.
- 6 Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 682 с.
- 7 Heine В. Cognitive Foundations of Grammar / В. Heine. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — 185 p.
- 8 Фаттахова Э.Б. Категория определенности–неопределенности в разноструктурных языках: на материале английского, китайского и татарского языков: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Э.Б. Фаттахова. — Казань, 2015. — 24 с.
- 9 Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка / Н.К. Дмитриев. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1939. — 60 с.

Ж.Б. Жауыншиева, Ж.Қ. Қиынова, Г.Е. Жандыкеева

Әртектес тілдердегі квантитативті мағыналарды білдіруде белгілік – белгісіздік семантикалық оппозициялары

Мақалада орыс, қазақ және ағылшын сияқты әртектес тілдердегі квантитативті мағыналарды білдірудегі *белгілік–белгісіздік* семантикалық тіресімдердің контрастивті сипаттамасы берілген. Мысалдар негізінде квантитативтілік, заттылық және белгілік/белгісіздік сияқты үш негізгі компоненттерден тұратын даралық категориясын білдіру амалдары салыстырылады. Салғастырмалы тілдердегі жиынтықты білдіретін әмбебап квантификаторлар арқылы белгіленетін анықтылық ұғымы айқындалған. Ағылшын тіліндегі артикльдер семантикасы мен орыс және қазақ тілдеріндегі артикльсіз белгісіздікті білдірудің грамматикалық тәсілдеріне ерекше назар аударылған. Мақалада *один, бір, one* сан есімдердің грамматикалану үдерісін дәлелдейтін мысалдар берілген. Авторлар узустағы белгілік–белгісіздікті кодтауда салғастырмалы тілдердегі сандық мағыналар изоморфты және алломорфты амалдар арқылы беріледі деген қорытынды жасайды.

Кілт сөздер: белгілік–белгісіздік, даралық–көптілік, квантитативті мағына, әртектес тілдер, семантикалық тіресімдер.

Zh.B. Zhaunshiyeva, Zh.K. Kiynova, G.E. Zhandykeyeva

Semantic oppositions of certainty - uncertainty in the expression of quantitative meanings in languages with different structures

The article provides a contrastive description of the semantic oppositions of certainty-uncertainty in the expression of quantitative meanings in such diverse languages as Russian, Kazakh, and English. Based on language examples, the ways of expressing the category of singularity are compared, which consists of three basic components: quantitateness, objectivity and certainty / uncertainty. It is revealed that the concept of certainty in the compared languages is marked by means of universal quantifiers that express the totality. Particular attention is paid to the semantics of articles in the English language and grammatical ways of expressing indefiniteness in non-article, Russian and Kazakh languages. The article provides examples illustrating the process of grammaticalization of the numeral *odin*, *bir*, *one*. The authors conclude that in the compared languages quantitative values are expressed by means of isomorphic and allomorphic ways of encoding certainty/uncertainty in the usage.

Keywords: certainty/uncertainty, singularity/plurality, quantitative meaning, languages with different structures, semantic oppositions.

References

- 1 Tsivyan, T.V. (1990). *Lingvisticheskie osnovy Balkanskoi modeli mira* [Linguistic foundations of the Balkan model of the world]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 2 Lazutkina, E.M. (2014). *Kontsept «mnozhestvo» i kategoriia chisla imeni sushchestvitelnogo v russkom yazyke* [The concept of “set” and the category of the number of the noun in the Russian language]. N.D. Arutyunova (Ed.). *Logicheskii analiz yazyka: Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kulturakh — Logical language analysis: Numerical code in different languages and cultures*. Moscow: LENAND [in Russian].
- 3 Guzev, V.G., & Nasilov, D.M. (1975). *K interpretatsii kategorii chisla imen sushchestvitelnykh v tiurkskikh yazykakh* [On the interpretation of the category of the number of nouns in the Turkic languages]. *Voprosy yazykoznaniiia – Questions of linguistics* [in Russian].
- 4 Kruchinina, I.N. (2001). *Imena sushchestvitelnye. Kategoriia chisla. Kategoriia padezha. Znachenie padezhei* [Nouns. The category of the number. Case category. Meaning of cases]. *Kratkaia russkaia grammatika – Brief Russian grammar*. Moscow [in Russian].
- 5 Komarova, Z.I., & Zapevalova, L.A. (2010). *Funktionalno-semanticheskaia kategoriia edinichnosti v russkom i angliiskom yazykakh* [Functional-semantic category of singularity in Russian and English]. Ekaterinburg: UrFU [in Russian].
- 6 Yarceva, V.N. (Eds.) (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia [in Russian].
- 7 Heine B. (1997). *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
- 8 Fattahova, Ye.B. (2015). *Kategoriia opredelennosti–neopredelennosti v raznostrukturnykh yazykakh: na materiale angliiskogo, kitaiskogo i tatarskogo yazykov* [The category of certainty-uncertainty in different structural languages: based on the material of English, Chinese and Tatar languages]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Kazan [in Russian].
- 9 Dmitriev, N.K. (1939). *Stroi turetskogo yazyka* [The structure of the Turkish language]. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet [in Russian].